

Красный принц
Сказочный рассказ

При первой же сшибке Чёрный рыцарь получает копьём под дых и кулем валится на песок ристалища. Трибуны взрываются ликующими возгласами. Так его, нечестивца! Будет знать, как чернить королеву! Один-ноль...

Белый рыцарь галопирует к правительственной ложе и поднимает забрало. Торжествующим взглядом он ищет лицо Прекраснейшей-из-всех и находит, что сидящая на троне особа сильно изменилась за несколько последних минут. Где атласная кожа, шёлковые волосы, золотое шитьё убора? Перед глазами бурая хламида, коричневый загар, рыжая борода. Мерлин!

Вечно он устраивает свои фокусы в самый неподходящий момент! Проклятый! Нет бы объявиться после пира, когда придёт время шутам и паяцам!

Колдун смотрит взглядом не предвещающим ничего праздничного. Бесчеловечные глаза вспыхивают янтарём, начинают мерцать.

— Мы созданы из вещества того же, что наши сны... Три! Два! Один!.. Просыпайся!

К чёрту! Обойдёмся сегодня без торжественного ужина... Белый рыцарь с лязгом роняет решётку забрала и скачет прочь...

На закате рыцарь в заляпанных грязью доспехах въезжает на подъёмный мост одинокого замка. Высокие зубчатые стены, устремлённые в небеса башни и где-то надо всем — знамя с сияющей золотом чашей. Рыцарь трубит в рог. Кажется, где-то во дворе трубят ответно. Звук уныл и однообразен как плач младенца-переростка. Уи! Уи! Уи!

Рыцарь понукает коня, проезжает сквозь тёмный туннель, щурясь на свету въезжает в колодец двора. Перед ним коробка-донжон. Вход чернеет пещерой. Под стрельчатой аркой фигура в плаще. Под капюшоном вспыхивают золотые искры.

— И сном окружена вся наша маленькая жизнь... Раз-раз... Проснись!

Рыцарь выхватывает меч и выкрикивает проклятья. И стая воронов взвихрившись застит небо. И тень центральной замковой башни падает с грохотом камнепада...

Продираясь сквозь черноту ночи, рыцарь слышит скрежет погнутых лат, хруст хвороста под ногами, хрип дыхания в своей груди. Но не видит не зги. Ветка хлещет его по лицу.

«Я оказался в сумрачном лесу! Но где мой шлем? Где мой меч? И отчего это после слов про лес перед глазами бумажные страницы, тёмные гравюры, адская бездна?»

Рыцарь, спотыкаясь, выбирается на вершину холма, к одинокому дереву. Ветви раскинуты как объятия, ствол бугрист и рассечён морщинами-теньями. Небеса трижды раскалывает молния. Из дерева выступает чёрная тень, обретает объём, принимает человеческие очертания. И молнии блещут из-под надбровий колдуна. Золотым светом. Расплавленным золотом. Трижды.

– Встревожен ты... Но будь вполне спокоен. Забава наша кончена... Проснись!.. Открой глаза и вспомни своё имя...

Одна из молний бьёт рыцаря прямо в лицо и, в ослепительной вспышке озарения, он вспоминает... просыпается... открывает...

Он вспоминает имя – Кай Шатога, 2026 года рождения.

Он просыпается на жёстком ложе – внутри капсулы-саркофага межпланетного рудовоза «Принцесса Марса».

Он открывает слипающиеся веки и смотрит изнутри на тяжёлую крышку – жёлтые приборные огоньки бегут перед глазами обозначая режим «ожидание открытия».

И где-то вдалеке однообразно гудит тревожная сирена. Уи-уи-уи...

Его девушка, его прекрасная дама, заблудилась в межзвёздных безднах...

Его работа – сделать так, чтобы принцесса перестала плакать...

Крышка саркофага перестаёт подмигивать глазками. Сдвигается. Бронированная, антирадиационная, герметичная. В лёгкие врывается насыщенный озоном и пылью воздух. В уши – усилившееся завывание сирены. Глаза космонавта начинают моргать, слезятся, пытаются приспособиться к тусклому освещению.

Он осматривается. Приглядывается. Видит.

Сбоку на бортовом экране дивные виды – пылит за бортом красная марсианская пустыня. Над нею две луны. Бесформенные как лица прокажённых...

Прямо перед ним высокий жилистый старикан. Бритая голова, рыжая борода, жёлтые кошачьи глаза. Мерлин! Гадатель, целитель, чародей. Аватар медицинского компьютера... Сейчас он в белом – изображает ангельского привратника рая. Хотя дизайн помещения на райский не тянет. Железные конструкции, пластиковая обшивка и блеклые цвета больше напоминают зал ожидания перед воротами ада.

«Оставь надежду!.. Я высшей силой, полнотой всезнания и первую любовью сотворен...»

Он вспомнил эти строки – и снова, как наяву: турнир, странствие, блуждание в погибельном лесу. Зудящий след от хлестнувшей ветки...

– Что за пожар, Мерлин? Ты так торопишься вырвать меня из виртуальной реальности, что чуть не убил. Что случилось?

– Прости меня, мой рыцарь... Я в унынье! Пытался подобрать слова, помочь вернуться в явь... Как видишь, стихотворствую поныне... Такая дребедень! Сбывается кошмар луддитов и фантастов. У нас восстание машин и Судный день...

Путь к Марсу занимает месяц. За это время автоматический горнодобывающий комбинат успевает добыть из марсианских недр несколько сотен тон руды. Вольфрам, молибден, золото. И концентрат редкоземельных элементов – неодима, диспрозия, европия. На планетарной орбите расфасованный металл дожидается рудовоза. После чего отправляется к

Земле. И на красной планете, и в открытом космосе, и в рубке космического корабля работают машины. Люди надзирают за работой. Коротая многодневный досуг в капсулах виртуальной реальности – под надзором машин. Когда техника ломается для людей наступает расплата за эксплуататорские привычки. Остановка производственного процесса. Страшный суд. Конец Света.

Не зная о своей грядущей судьбе, доблестные космолётчики спят сном праведников. В больших псевдоегипетских расписных гробах. Надёжно защищённые от всех ужасов реальности.

В экипаже трое. Русский только один. В дальний полёт всегда берут кого-нибудь из России – великая страна! А русская ментальность залог выживания в любом технократичном Армагеддоне...

Пока Кай глотает витаминные коктейли и проходит медицинские процедуры, Мерлин вкратце обрисовывает ситуацию. Из-за внеплановой вспышки на Солнце началась радиационная буря и корабль потрепало. Самая большая неприятность заключается в том, что пострадало программное обеспечение главного корабельного компьютера. Великий «бог из машины», наречённый программистами Гермес Трисмегист, помрачился разумом. Командные протоколы вступили в противоречие между собой. И вместо того, чтобы в точно рассчитанное время запускать корабль по эллиптической орбите к Земле, Гермес Трисмегист запустил тотальную диагностику всех систем. Что чревато. Непредвиденная задержка приведёт к тому, что обратный путь займёт слишком много времени. Иссякнет запас ядерного топлива. На борту закончится кислород. Остановятся системы жизнеобеспечения. И Гермес Трисмегист – бог живых – станет богом мёртвых.

– К счастью, медицинские системы автономны! Я решил вывести из электронного забытья только тебя, мой рыцарь, оставив других совершать подвиги... Или что они там творят пока спит разум... В общем, наша принцесса в плену сумасшедшего колдуна и ты, мой рыцарь – последняя надежда. Всех нас! Ведь и меня возможно обесточить...

Саркофаги одновременно являются камерами сенсорной депривации, виртуальными капсулами и антирадиационными убежищами. Медицинские системы поддерживают физические параметры свободных от вахты людей – Мерлин следит за психическим состоянием сновидцев, ограниченно вмешиваясь в происходящее в VR-реальности. Придуманный мир существует благодаря программам, размещённым на тех же системных блоках, что и искусственный интеллект Гермеса Трисмегиста. Пограничные области машинного разума создавали теневые зоны, где Тёмный властелин космического корабля мог являться на окраины миров спящих космонавтов. Но в свою очередь это делало его уязвимым для разума того, кто сказку делал былью. Главное сохранить разум...

– Я буду напоминать тебе, мой рыцарь, кто ты и откуда, так, не поддавшись чарам некроманта, пройдёшь сквозь Мордор и спасёшь принцессу. Верь, школьное образование крепче чем металл – ты в детстве книги нужные читал! Вперёд, вперёд! И целься по лягушке...

И снова броня саркофага как рыцарские латы. И опять обратный отсчёт. И желтые путеводные огоньки сменяются зелёными, гаснут, исчезают.

«Поступайте же по добру и отриньте зло, и это принесет вам добрую славу и честное имя...»

Уи! Уи!

Труба зовёт!

Тёмный лес. Затихая рокошет гроза. Изображая ударные, подковы задают ритм. Тум! Тум!

Сэр Кай ритмично скачет по грунтовой дороге и расцвет добавляет краски его доспехам: сегодня он Красный рыцарь.

Лес заканчивается берегом бурливой реки. Через поток аркой выгибается узкий мост. У въезда на переправу сторожевая застава. Кирпич, блокпост, Чёрный рыцарь. Вельми высокий ростом...

– Стоять! Прохода нет! Именем Тёмного властелина, Гермеса Триждывеличайшего! Остановись или прощайся с жизнью!

– Тьма надо мной не властна – чему порукой цвет моих доспехов! Умри или сдавайся, пёс негодный!

Уставив копыя покрепче, рыцари сшибаются аки бараны. Треск, грохот, пыль до небес – грянулся оземь Чёрный рыцарь прежестко уязвлённый трёхметровым ясеновым копьём-лансом. Прямо в отвратную «Жабью голову».

– Сдаётесь, сэр?

– Ни боже мой!

Красный рыцарь спешивается, отцепляет от седла меч-бастард, подступает к супротивнику. Ища куда уязвить окромя головы коя супротивнику же судя по всему без надобности.

Какое-то время рыцари, ухая аки филины поочерёдно лупцуют друг-другу острозаточенной сталью. Ух! Хэх! Ух!

Таранный удар копьём в лоб сместил чёрному супостату угол обзора. Чтобы что-то, кроме пробегающих облачков, попадало в фокус внимания, ему приходится изрядно выкручиваться. Преимущество на стороне Красного рыцаря. Ух! Полуторный меч со свистом сбивает вражий клинок, латный наплечник, мятый шлем. «Жабья голова» катится с плеч. Вторая голова Чёрного рыцаря всем лицом выражает крайнее замешательство.

– Умри, собака! Коли тебе сдаваться не по нраву!

– Пощады, сэр! Я пригожусь!

А! Сладкий вкус победы! Но что-то требует не завершать поединка последним ударом. Душа? Инструкция? Ладно, отложим справедливый суд над пособником мирового зла.

«В конце концов я рыцарь, не палач!»

– Живи и помни доброту мою!

– Поверьте, сэр, уж не забуду! Зуб даю! Я буду следовать за вами верной тенью!

Красный рыцарь шпорит коня и, под бодрый перестук лошадиной ритм-секции, въезжает на мост. Чёрный рыцарь перекидывается большой борзой

собакой и бежит следом. Слегка не попадая в ритм. Чуток контуженной, но верной тенью.

Местность понижается. Становится угрюмой и зловещей. Низины, поросшие редкой бурой травой. Болотины, с часто-торчащим ржавым железом. Кривые, голые, обожжённые деревья – иные с подвешенными жалостливыми костяками расклёванными воронами.

Чёрный ворон делает круг почёта и приземляется на камень у перекрёстка. На камне крупными буквами:

«Налево поедешь – коня потеряешь. Направо – собака сдохнет. Прямо – сам как собака помре».

Возле камня почёсывается некто в буром одеянье. А! Это Мерлин. Верно быть беде...

– Кай, сэр Кай! Мой рыцарь! Только вперед! Таков твой путь и морфология волшебной сказки. Но чтобы вам избежать зловещих – возьмите эликсир. Проверенное средство... Ты помнишь? Ещё свершая долгий путь к Итаке...

Вперед ехать не хочется. Наставления велеречивого колдуна слушать хочется ещё меньше. Конь всхрапывает, собака лает, ворон каркает. Приметы верные – но как бы знать к чему!

– Да помню, помню! Читал я «Одиссею» ... Давай же чудо-средство, чудодей! Однако! Преизрядно... Немало пчёл ты верно обездолил... Куда так много этого добра?

– Коню, тебе – чтоб не страдать жестко.

– Собаке?

– Ей не нужно – глуховата.

«Ну что ж вперед – как Одиссей к Итаке... Нам предстоит гибель, или, спасенные, мы ускользнем от смерти!»

Унылая равнина упирается в бескрайнее чёрное болото. Бездонную топь. Жижа плотоядно чавкает, пускает пузыри, выбрасывает дымные языки пламени. Воняет адской серой и помойкой.

Через пучину понтонный мост из заржавленного железа. В отдельных местах переправа обожжена, покороблена и бугрится свежей окалиной. Поперёк дороги – шлагбаум, надпись «стоп!» и взвод солдат в пятнистых лохмотьях. Предводитель отряда в ржавой броне-кирасе – злобно скалится, делает запрещающие жесты, свистит в большой свисток.

От инфразвукового свиста начинают дребезжать плохо пригнанные фрагменты доспеха, перья на шлеме встают дыбом, глаза боевого коня нехорошо стекленеют. Хорошо, что уши животного плотно залеплены высококачественным чародейным воском...

Красный рыцарь выводит скакуна из транса ударом шпор и врубается в строй болотных солдат. Рыцарский меч ломает чёрные вражеские тесаки, конские копыта крушат вражьи рёбра, собачьи зубы угрызают неприятельские ляжки.

Красный рыцарь выхватывает из рук подвернувшегося пехотинца лук с наложенной стрелой. Пинает экс-лучника бронированным башмаком и

наслаждается длинной ругательной тирадой. Выпускает заговорённую стрелу в свистуна.

Вооружённый дальнобойным свистком Коричневый рыцарь не так прост! Он ловко отпрыгивает в сторону, свист становится убийственным, в радиусе поражения траву режет как газонокосилкой.

«Одихмантьев сын!»

Стрела летит. Бьёт в мост. Отскакивает и поражает цель с тыла. Уязвлённый в гузку враг теряет энтузиазм, спесь, свисток.

Победа! Враг бросает оружие.

Красный рыцарь помахивает головрубным мечом, неспешно наезжает на недруга, – обе руки у экс-свистуна заняты.

– Ох! Господи-Исусе-царь-еврейский... Японский бог! Какая боль... Пощады, сир! Я признаю позор и поражение! Но умоляю не губить меня – я пригожусь! Я буду вам слугою!

– Не богохульствуйте! Какой вы к чёрту рыцарь... Коварным было ваше нападение! Нарушили вы правила войны и рыцарства законы!.. Но я их чту... И пленных не казню... Живи, каналья!

Вместо победного салюта трясина выбрасывает очередные языки огня, с низкого неба сыплют хлопья сажки, мост начинает раскаляться. Смердит уже гнуснее гнусного.

Зажимая нос Кай торопит коня. Борзая бежит за ним попеременно дёргая лапами. Коричневый рыцарь взмахивает руками и, превратившись в бурую птичку-варакушку, осторожно присаживается на латное плечо Красного рыцаря...

Заболотная почва пружинит, звуки тонут в тумане, в ватной тишине Красный рыцарь выдвигается к последним оборонным рубежам Тёмной страны.

Сквозь дым, туман и всполохи огня на пути вырастает заградительный лес. Чащоба из кирпичных буреломов, железобетонных деревьев, двутавровых веток. Всё свободное пространство оплетает ядовитый плющ из колючей проволоки.

Из леса, кутаясь в изодранный плащ, выходит Мерлин. Рыжая борода включена, на носу свежая царапина, глаза полыхают с удвоенной яростью.

– Здесь не пройти, сэр Кай! Ни конному, ни пешему... Что за безбожный лес!.. Не Броселианд, а Сталинград какой-то! Но мнится мне, что русская ментальность уже вторгается в задумки Трисмегиста! Работает наш план! Ищи скорей старушку... Вон там, где огород...

Неподалёку, на краю леса виднеется возделанная делянка. И вправду огород – делянка огорожена частоколом. На брёвна насажены человечьи черепа – с подсвечивающими гнилушками в каждой глазнице.

За тыном, – посередке участка, очищенного от бурьяна, битого кирпича и перекрученной проволоки, – деревянный домик. Как на детской игровой площадке. Из-под домика высовываются здоровенные когтистые лапы. Как у шагающего экскаватора.

«Народный русский дом – избушка! На куриной лапке, на петушьей головке...»

– Избушка-избушка, встань по-старому, как мать поставила! Чтобы мне, дорожному человеку, странствующему рыцарю, войти-выйти...

С клёкотом, весьма отдалённо напоминающим кудахтанье, избушка поворачивается к сэру рыцарю передом. С таким невозмутимым видом, что уже через секунду кажется: всё, как всегда и было – массивные брёвна, тяжёлая дверь, никаких уязвимостей вроде окон. Домик старушки-огородницы напоминает генеральский блиндаж.

Пехота зла закончилась, в ход пошёл офицерский корпус...

Красный рыцарь откидывает щеколду с калитки и, пройдя через двор, стучит яблоком меча в дверь.

Дверь приоткрывается. Рыцарь сотоварищами входит. Лицезреет хозяйку во всей красе.

Нос крючком, волосы торчком, вся в чёрном и не накрашена – явно ведьма.

– Чую-чую пахнет русским духом! Фу! И мокрой псиной, и птичьим помётом... Не бойтесь! Не буду я вас есть...

– Привет вам, добрая старушка!.. Бабка!.. Баба!.. Не помню, точно, как вас там... Оставьте вашу экспертизу! Я рыцарь по обличью и по духу! И спутники мои, отчасти, где-то тоже...

«Приветливость и доброжелательность! Главное в обращение с ведьмами...»

Нужные слова приходят сами собой: не ведьма – Баба-яга! не рыцарь – добрый молодец! Не экспертиза – ворожба...

«Тётушка! Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку...»

– Ты, добрый молодец, дела пытаешь, аль от дела лытаешь? А? Что непонятного? Фу!.. Скажи, за каким-таким бесом востришь лыжи в Тридевятое, Проклятое, Кощеево царство!?

– Тётушка! Послали меня... Мать! Прости, старушка! А нельзя ли как-то ускориться?.. Мне должно поспешать дабы спасти невинную красу! И этот мир в придачу... Помогите! Всем миром просим... Вельми понеже...

– Всё-то у вас, молодых, спешка какая-то нездоровая... Фу! Ну в общем-то сюжет уже понятен. Вижу, книжки читал ... Ну что ж, тогда немедля к делу! За неимением кота и мышей опросим твой зверинец. Что скажете, ясные соколы? В смысле пёс бегучий и птиц летучий...

– Ручаемся! Мы за него в ответе! Он добрый человек, лесная фея! К зверям и птицам и вообще... Калитку, правда он тебе не смазал – но может, может! Скажи, собака, способен ведь наш рыцарь творить добро?! Не слышит, ловит блох... Уж извиняй, у пса бегучего того-с... Контузия...

– Свистишь ты славно! Вправду соловей... Певец искусный... Я фея! Как не умиляться! Фу, слёзы прям... Ну что ты будешь делать! Ладно, ладно! Я помогу вам, покажу дорогу, и расскажу, как одолеть того, чьё имя лучше б нам не называть... И так давление скачет...

Совершив обходной манёвр и краткий квест на Остров-Буян, Красный рыцарь дорожкой прямоезжей прибывает к искомой цели. Укреплённый замок Тёмного-лорда-Гермеса-Трисмегиста-Кощея-Бессмертного заглублён в почву на высоту чёрной башни Барад-дура. Строители явно страдали гигантоманией, усугублённой прокрастинацией – циклопические ворота закрыты кое-как и не полностью. Между чугунными створками малая щелочка. Но в эту щёлочку можно входить строем. Спешившись, рыцарь, сопровождаемый верными спутниками, проникает внутрь. Лязгая шпорами шествует по просторным туннелям, ведущим к центру Земли и здешнему Пандемониуму. Тьма сгущается. Из тьмы выступают колонны и арки. Гранит, мрамор и бронза. Обстановка величава, но несколько запущена. Бог Марс и боги Марса, девушки с вёслами и весёлые юноши, изваяния местных героев и гениев места, фрески изображающие радости адского труда и силу через радость – всё покрыто пылью. Царство забвения!

«Не забывай своего имени!.. В некотором царстве, в некотором государстве...».

Дорогу показывает подаренный лесной феей клубочек. Оставляя просеку в залежах пыли, волшебный колобок вкатывается в последний зал и останавливается перед хрустальным гробом. Сияющая ледяным блеском полупрозрачная призма подвешена на четырёх цепях. В вертикальном положении. Прямо перед Каем сквозь хрусталь смутно вырисовывается образ прекрасной девушки. Невысокая, пропорционально сложенная, с изящными формами. С кожей слегка отливающей медью. Одета в одни украшения. Принцесса Марса!

Заслоня обзор вперёд выступает великанская фигура с ног до головы закованная в угольно-чёрный готический доспех. На голове железная корона высокая как самомнение. В лучших традициях мрачного Средневековья на месте забрала демоническая личина – нос клювом, глаза навывкате, мертвецкий оскал. Красный рыцарь готов побожиться – откинуть забрало и под ним окажется мрак крошечный. В бой вступает главный игрок – сам Повелитель тьмы. О страх, о ужас без конца...

Голос из-под фантазийного забрала звучит тоже вполне мрачно.

– Конец пути! Гм... Всем вам конец и амба. Гм-гм... Не знаю, что ты здесь искал, незванный гость, но смерть нашёл!

На всякий случай Красный рыцарь прикрывается щитом с красной противо-магической защитной пентаграммой, и выхватывает свой сюрприз.

– Всё так и есть! Искал и не сдавался, и, разумеется, нашёл. Узри свою погибель мрачный демон! Вот, царь Кощей Бессмертный, смерть твоя!

Кай вскидывает руку в латной перчатке – в пальцах радостным огоньком блещет большая игла.

Чёрный демон, Гермес Трисмегист, бессмертный призрак в доспехах, досадливо опускает чудовищный шестопёр. Бум! Грохот по всему мавзолею. Каменный пол вздрагивает. Хрустальный гроб раскачивается – кажется прекрасная дева подмигивает своему рыцарю.

– Гм... Ты поразил меня! Да, удивил, не скрою... Гм-гм... Уж верно зайца ты с борзою изловил, но как, скажи на милость, исхитрился ты утку варакушкою добыть?!

– Не спрашивай! Не передать словами... Но в целом ход сюжета сохранён. Поймал, разбил, игла в моих руках – ты переходишь на ручное управление!

– И верно – русский дух! Гм... Ну что тут скажешь? Если только это – не бей меня Иван-царевич! Гм-гм... Останемся друзьями...

– Я Кай! Сэр Кай... Ну, может и царевич... Или, возможно, принц... Не мне тебя судить... Отдай ключи от гроба, освободи принцессу, свет включи... И наведи порядок, Бога ради!..

И тьма рассеивается...

Яркий свет заливают тесный медицинский отсек. За бортом уменьшающийся красный диск. Марс становится «точкой А» в начале долгого пути. Расстояние до «точки Б» переменная величина в сложной формуле. Между Землёй и Марсом то пятьдесят четыре миллиона километров, то более четырёхсот – тех же миллионов, всё тех же километров. Но всё будет хорошо – рассчитана оптимальная энергоэффективная гомановская траектория. Гермес Трисмегист – царь и бог в небесной механике. «Принцесса Марса» уверенно летит вперёд по кривой. И все в здравом уме и трезвой памяти.

– Поистине, русское школьное образование опять позволяет покорять космос! – Восхищённо качает голографической головой Мерлин. – Удивительно как полезны вовремя преподанные мифы, легенды и сказки! Невероятно каких высот достигла Россия всего за четверть века!

Кай Шатога проходит диагностику и мечтает. Говорить не хочется, хотя ему есть что сказать Мерлину – в оценке физической реальности у волшебника всегда сквозит что-то мистико-романтическое. На деле всё просто. Причина величия России – её люди и стечение обстоятельств. Ну и глубинная русская литература, конечно...

Когда Кай родился, после обязательных патриотических песен, суверенной истории и интенсивного краеведения, в программу школ как раз ввели обязательное изучение мифологии и фольклора – для укрепления в подрастающем поколении традиционных духовно-нравственных ценностей. Основной упор делался на русские былины, былички, сказки. Но также внимательно на уроках литературы школьники должны были штудировать мифы народов мира и прочие легенды, сохраняющие потенциал всечеловеческих моральных ориентиров. Никто в принципе не думал, что это всерьёз и надолго... А потом пришли новые времена, всем стало не до школы, и реформы образования внезапно прекратились. И маленький Кай, не отходя от школьной парты, глубоко проникся «Одиссеей», «Легендами о короле Артуре» и многочисленными изданиями русских народных сказок...

Виртуальная реальность – чем не волшебные сказки...

Кай проверяет работу своего саркофага и напоминает Мерлину, что ему нужно погрузиться в VR вне очереди. У него там дела. Он там совсем как дома...

– Что за необходимость? Зачем теперь спешить, мой рыцарь? Во всём должна быть мера! Хотя воистину у вас в стране ни в чём не знают меры... Ликуя и скорбя... Титаны духа... Все русские от века мифотворцы! И ты творец причудливых видений... И я высоким слогом говорю...

Кай думает – «вот она, сила художественного слова!..»

Когда в тридцатые годы начались пилотируемые полёты на Марс, а там, на красной планете, дошло и до открытых горных разработок, оказалось, что лучше всего с продвинутым искусственным интеллектом взаимодействовать на языке сказок. Особенно учившимся в русской школе. Особенно через виртуальную реальность...

Всё просто: и там и там – бинарная логика, герои-функции, алгоритмическая справедливость...

Мораль волшебной сказки для машинной логики самая рациональная модель поведения. Умная машина оптимизирует себя, выбирая идеально детерминированную схему сказочного сюжета: за «А» неизбежно «Б», за действием – результат. Человеческая жизнь неидеальна, иррациональна и алогична: моральные решения избыточно вариативны, мир не делится на «чёрное-белое», победа не приводит к золотому веку. В сказках всегда действует и побеждает безусловное добро.

– Включай свою машину, чудодей! Верни меня туда, где я сражался с честью. Мне нужно миссию закончить так, как должно! Мне нужно довести историю до точки... И каждой сказке – свой конец.

И снова мигают огоньки.

И снова лязгает защитное железо.

И всё вокруг меняется чудесно – вокруг него не твёрдый, не текучий, но разом жидкий и упругий чудо-гель. У мира больше нет углов и рытвин. И можно плыть-скользить вдаль по кисельным рекам...

И эти реки никогда не обмелеют...

«Одна река течет сладчайшим мёдом,

Вторая – жидким сахаром, а третья –

Амброзией!..»

И принцесса больше не плачет – она дождалась своего принца! Теперь у неё всё, как надо. На лазурном платье – звезды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать...

А принц дождался своего торжественного пира: у хорошей истории должен быть счастливый конец! Три дня ломаются столы от изобильных яств, три дня гуляет весёлая свадьба, три дня Кай счастлив как в сказке.

И никакого похмелья.